

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ

INDEX LIBRORUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.146-155

В. Г. Баев*,
А. Н. Марченко**

Террор как инструмент сталинского правления

Рецензия на книгу: Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М. : Юрлитинформ, 2020. 504 с.

Аннотация. Предлагаемый материал есть критический анализ монографической работы известного правоведа-марксиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. М. Сырых. Как известно, существует обширная историческая литература о преступлениях сталинской политики, построенная на базе открытых, ставших доступными ученым источников. Профессор Сырых культивирует другой, юридический взгляд на деятельность сталинского руководства. Будучи теоретиком права и методологом, он поставил перед собой цель проанализировать юридическую природу репрессивной политики Сталина и его сподвижников в 1930–1950-е гг. Исследователь пришел к выводу, что сталинское руководство в процессе строительства социалистического государства отвернулось от требований конституции и советского законодательства, действовало вопреки праву, заменяя его партийными директивами, что можно квалифицировать как подрыв государственного строя.

Рецензенты высоко оценивают труд В. М. Сырых, разделяя многие его позиции. Как видится рецензентам, замысел автора состоял в том, чтобы очистить саму идею социализма от искажений и извращений, привнесенных Сталиным. По мнению автора, Сталин извратил творческий характер марксизма и наследие Ленина. Однако авторы рецензии указывают на то, что политика террора против собственного народа по времени совпадает с периодом сталинского правления, что дает оппонентам Сырых основание утверждать: 40 лет социалистического строительства были связаны с насилием, принуждением и убийством тысяч людей. Против подобных утверждений и написана эта книга.

Ключевые слова: Ленин; Сталин; конституция; право; закон; террор; репрессии; партия; директива; Сырых; социализм; раскулачивание; уголовный кодекс; ежовщина; бериевщина.

Для цитирования: Баев В. Г., Марченко А. Н. Террор как инструмент сталинского правления. Рецензия на книгу: Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М. : Юрлитинформ, 2020. 504 с. // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 3. — С. 146–155. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.146-155.

© Баев В. Г., Марченко А. Н., 2021

* *Баев Валерий Григорьевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета

Мичуринская ул., д. 112, корп. Д, г. Тамбов, Россия, 392032
vgbaev@gmail.com

** *Марченко Алексей Николаевич*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Тамбовского государственного технического университета
Мичуринская ул., д. 112, корп. Д, г. Тамбов, Россия, 392032
alexey_ckt@mail.ru

Terror as a Tool of Stalin's Rule Book Review:

Syrykh VM. The Legal Nature of Stalin's Terror: In Compliance with the Directives of the Party, but Contrary to the Law. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2020

Valeriy G. Baev, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Tambov State Technical University
ul. Michurinskaya, d. 112, korp. D, Tambov, Russia, 392032
vgbaev@gmail.com

Aleksey N. Marchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Tambov State Technical University
ul. Michurinskaya, d. 112, korp. D, Tambov, Russia, 392032
alexey_ckt@mail.ru

Abstract. The paper provides for a critical analysis of the monographic work by famous Marxist legal scholar, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir M. Syrykh. As known, there are a lot of works investigating the crimes of Stalinist politics based on open sources that have become available to scientists. Prof. Syrykh cultivates a different, legal view of the activities of Stalinist leadership. As a legal theorist and methodologist, he set himself the goal of analyzing the legal nature of Stalin's repressive policies and his associates in the 1930s-1950s. The researcher concluded that Stalin's leadership in the process of building the socialist state turned away from the requirements of the constitution and Soviet legislation, acted contrary to law, replacing it with Directives, which can be qualified as undermining the state system.

Reviewers praise the work by Vladimir M. Syrykh, sharing many of his submissions. As reviewers see, the author's intention was to purge the very idea of socialism from the distortions and perversions brought by Stalin. According to the author, Stalin perverted the creative nature of Marxism and Lenin's legacy. However, the authors of the review indicate that the policy of terror against the Soviet people coincides with the period of Stalin's rule, which gives grounds to Prof. Syrykh opponents to claim: 40 years of socialist construction involved violence, coercion and killing thousands of people. The book under review is written to counter such claims.

Keywords: Lenin; Stalin; constitution; law; statute; terror; repression; party; directive; Syrykh; socialism; defaming; criminal code; Ezhov's regime; Beriya's regime.

Cite as: Baev VG, Marchenko AN. Terror kak instrument stalinskogo pravleniya. Retsenziya na knigu: Syrykh V. M. Yuridicheskaya priroda stalinskogo terrora: po direktivam partii, no vopreki pravu. Moskva: Yurlitinform; 2020 [Terror as a Tool of Stalin's Rule. Book Review: Syrykh VM. The Legal Nature of Stalin's Terror: In Compliance with the Directives of the Party, but Contrary to the Law. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2020]. *Lex russica*. 2021;74(3):146-155. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.146-155 (In Russ., abstract in Eng.).

За ошибки государственных деятелей расплачивается нация.
Н. А. Бердяев

Актуальность рецензируемой монографии. На первый взгляд кажется, что тема сталинского террора в СССР 30–50-х гг. окончательно закрыта. Во всяком случае, для исторической науки. Поднят и изучен огромный массив источников. Получены исчерпывающие ответы на все вопросы, относящиеся к причинам, обстоятельствам и последствиям массовых репрессий¹. Тем не менее в публицистике и научной литературе не утихают споры, возвращающие

нас к этому периоду. Сталин остается объектом горячих споров равнодушных людей, пытающихся понять его роль в истории не только Советского государства, но и всего мира.

Историографию деятельности Сталина можно развести по нескольким основным направлениям. Российские коммунисты и стоящие за ними обществоведы видят в Сталине выдающегося руководителя, превратившего нашу страну в могучую мировую державу. А связанные с

¹ Степанов М. Г. Сталинская репрессивная политика в СССР (1928–1953 гг.): взгляд советской историографии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stalinskaya-repressivnaya-politika-v-sssr-1928-1953-gg-vzglyad-sovetskoy-istoriografii/viewer> (дата обращения: 06.01.2021).

именем Сталина репрессии именуют выдуманной². Прямо противоположную оценку Сталину дают представители либерального направления. В их интерпретации Сталин, верный ученик и продолжатель дела Ленина, — национальный враг, массовыми репрессиями нанеший своей стране невосполнимый ущерб³. Третьи, хотя и признают происходившие в стране репрессии, уверены, что Сталин был не в курсе их чрезвычайных масштабов⁴. Деятельность четвертых заключается в попытке отделить ленинское наследие от сталинской политики и доказать, что Ленин никогда не связывал социалистическое строительство с массовым насилием. То есть Сталин не может считаться продолжателем дела Ленина. Непрекращающиеся споры вокруг сталинского политического «наследия» свидетельствуют о незавершенности поиска научной истины.

Автор рецензируемой монографии Владимир Михайлович Сырых, доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета правосудия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, творческий исследователь марксистского учения о праве⁵, представляет четвертое направление сталинской историографии.

За прошедшие три года профессор Сырых издал три крупных труда по начальному периоду советской истории, посвященных Ленину, красному и сталинскому террору⁶. Вникать в причины исследовательского поворота ученого-теоретика к истории права Советского государства — не тема данной рецензии. Однако сто́ит признать плодотворность авторской идеи. Сталинский этап исследуют преимущественно историки и крайне редко юристы. Это

достаточное основание для нашего пристального внимания к творчеству маститого ученого⁷.

Книга профессора Сырых представляет собой структурированное издание, состоящее из пяти расположенных по хронологии тематических блоков: 1) сталинский террор в качестве действенного средства построения социализма в СССР; 2) Н. В. Крыленко как предтеча теории и практики сталинского террора; 3) раскулачивание — террористический акт государства против крестьянства; 4) ежовщина; 5) бериевщина — сталинский террор, по-прежнему секретный, жестокий, но без ошибок. На всех стадиях исследования рефреном проходит мысль о том, что управленческие методы Сталина шли вразрез с текущим законодательством, а его отступление от правовых норм подпадает под действия 14 подпунктов печально знаменитой статьи 58 Уголовного кодекса СССР; последнее, полагает автор книги, можно считать исчерпывающим основанием для обвинительного заключения в отношении самого Сталина как инициатора террора.

Методология исследования автора книги сводится к анализу юридической основы сталинского террора как способа управления страной. Вопреки представлению ряда историков, что Сталин действовал в законодательных рамках своего времени, В. М. Сырых доказывает обратное: Сталин и его окружение освободили себя от конституционной обязанности следовать предписаниям позитивного законодательства, придав постановлениям Политбюро и ЦК партии большевиков статус источников права. Думается, что автор книги, наглядно демонстрируя отступление власти от норм права, поддался искушению профессионального

² См., например: *Лысков Д.* «Сталинские репрессии». Великая ложь XX века. М. : Яуза, 2009.

³ *Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М. : Corpus, 2019.

⁴ *Дугин А. Н.* Архивно-следственные дела Центрального архива ФСБ России как исторический источник // Вопросы истории. 2020. № 12 (1). С. 168–188.

⁵ См., например: *Сырых В. М.* Материалистическая теория права : избранное. М. : Российская акад. правосудия, 2014. Т. 4 : Действительность индивидуального права. 419 с. ; *Он же.* Материалистическая философия публичного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 574 с.

⁶ *Сырых В. М.* Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобо-страстия). М. : Юрлитинформ, 2017 ; *Он же.* Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М. : Юрлитинформ, 2018 ; *Он же.* Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М. : Юрлитинформ, 2020.

⁷ *Баев В. Г., Крамской В. В.* Кому не известен Ленин? (Рецензия на монографию «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобо-страстия)» В. М. Сырых. М., 2017 // Журнал российского права. 2018. № 12 ; *Баев В. Г., Марченко А. Н.* Рецензия на книгу: Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М. : Юрлитинформ, 2018 // Вопросы истории. 2018. № 11.

аналитика, в чем-то сходного с профессиональным хирургом, пытающимся отделить от здоровой ткани злокачественную опухоль. Между тем нас не оставляет убежденность, что писать о Сталине и его политике (как и о репрессиях, являвшихся ее частью) в отрыве от социально-экономических и политических реалий того времени совершенно невозможно. Анализ той атмосферы должен стать истинным критерием для понимания того, почему политические лидеры 20–50-х гг. поступали так, а не иначе, даже если бы и хотели поступить иначе⁸. Заметим, что автор монографии не всегда следует этому правилу.

В ходе изучения правовых аспектов сталинского правления профессор Сырых оперирует категориями, до настоящего времени не получившими всеобщего научного признания. Речь, в частности, идет о юридической природе массовых репрессий — понятия, не получившего закрепления в Уголовном кодексе. Другой вопрос: каковы истоки сталинского террора? Является ли красный террор ленинского «призыва» его предтечей или сталинский представляет совершенно особое явление? В противоречии с основным замыслом своей книги В. М. Сырых признает, что сталинский террор проводился по лекалам красного террора, хотя и имел иную природу. Автор называет красный террор (с известной долей условности) правовым, представляя его как суровую необходимость защиты нового прогрессивного строя от сторонников старого порядка. В то время как сталинский террор имел другие цели [с. 72]. По марксистской теории террор — это правовая мера удержания власти пролетариатом [с. 65].

Третий загадочный для историков вопрос — это причины Большого террора. В научной литературе приводятся многочисленные попытки описания обстоятельств, объясняющих причины массовых репрессий государства против собственного народа. В. М. Сырых формулирует свое объяснение: «Террор — выверт, незнание Сталиным марксистской теории» [с. 5].

Отметим, разъяснение автора строится на доказательствах того, что в научно-теоретическом мышлении Сталин явно уступал Ленину, его восприятие марксизма не соответствовало реальности. Другими словами, ленинская доктрина социалистического строительства была убита руками его «верного продолжателя».

Ученик Ленина либо не был способен понять действительные замыслы своего учителя, либо сознательно отошел от них [с. 37]. Сталин не понял ленинской мысли о том, что главным условием победы социализма в России может стать победа культурной революции в самом широком смысле слова. Это цель, достижение которой невозможно в границах короткого времени. Так, осуществление ленинского варианта новой экономической политики (нэп) было рассчитано на длительный период. Предусматривалось, что и кулак должен быть сломлен мерами экономического характера. Однако после смерти вождя революции Сталин стал продумывать ускоренный путь и средства формирования основ социалистического общества, ни с кем не обсуждая его.

Профессор Сырых снабжает свою монографию подзаголовком: «По директивам партии, но вопреки праву». Не скрывается ли в этом уверенность автора в том, что кровавого террора (во всяком случае, в таком масштабе) могло не быть, если бы руководство страны действовало сообразно советскому законодательству? Отступая от действующих норм, Сталин и его окружение подменили союзные законодательные органы, совершили действия, направленные на подрыв государственного строя. Серьезное обвинение! Между тем тезис о директивах партии как источнике права не в полной мере отвечает действительности. Во второй главе книги речь идет о творце уголовного и уголовно-процессуального кодекса Н. В. Крыленко, который задолго до массовых репрессий начал формировать юридическую базу так называемого упрощенного судопроизводства. В итоге намерения Сталина приступить к развязыванию репрессий имели под собой уже подготовленную юридическую почву.

По мнению профессора, Сталин исходил в своих действиях из того, что решать задачу строительства нового общества в условиях громадного государства, опираясь на только что созданные советские органы, было нельзя. Они бы просто не справились. Поэтому данную функцию, вопреки Конституции, взяло на себя Политбюро, возложив на руководящий орган партии полномочия законодательной власти. Интересно, что в данном случае юридическая проблема разрешается с учетом социально-политических условий. Автору можно было бы

⁸ Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Ленинизм и советская цивилизация (к 150-летию со дня рождения В. И. Ленина // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3.

пойти дальше и выяснить причины, по которым ЦИК, законодательный орган страны Советов, безропотно отдал законотворческую прерогативу политической партии.

Отдельная линия в книге — личная вина Сталина за совершенные преступления — выступает наиболее спорной темой сталинской историографии. При оценке политики советского руководства и причин его отхода от требований закона нельзя игнорировать господствовавшую на тот момент идеологическую установку. СССР был экономически и культурно отсталым государством в сравнении с развитыми капиталистическими державами, находился в капиталистическом окружении, и до тех пор, пока сохранялась угроза иностранного военного вторжения с целью реставрации буржуазно-помещичьего строя, единственной надежной гарантией сохранения целостности и независимости СССР могло быть лишь упреждающее уничтожение остатков «буржуазных элементов». Концепция «Краткого курса» рассматривала репрессии в качестве жизненной необходимости для защиты социалистического строя⁹.

Как известно, в конце 1923 г. уже больной Ленин продиктовал письмо к съезду, в котором предупреждал: «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»¹⁰. Логично предположить, что и Троцкий, приди он к власти, действовал бы в том же репрессивном ключе, что и Сталин. Оба вышли из шинели гражданской войны. Категория врага формировала ядро их политического мышления. Одним из основных условий существования диктатуры является наличие врага — внутреннего или внешнего. Именно на происки врагов можно с легкостью списать все просчеты в экономической политике, неурядицы в социальной сфере. Если врагов нет, то их придумывают¹¹.

Глубоко не вдаваясь в идеологическую атмосферу эпохи, автор считает, что реанимация террора 30–50-х гг. (после террора красного) произошла по личной инициативе Сталина и под надуманным предлогом усилия происков врагов социализма. Действительно, объективных данных о происках буржуазных элементов у Сталина не было. Активизация непролетарских слоев населения в период нэпа также не отмечалась. Несмотря на это, Сталин был твердо уверен, что капиталистическое окружение — не пустая фраза [с. 57]. Мировой империализм порождает войны. И первой целью такой войны станет государство трудящихся. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. фактически подтвердила обоснованность утверждения Сталина о неизбежности войны капиталистических стран против социалистического государства. В этой связи сталинские репрессии предстают как война против всех, кто прямо или косвенно не согласен с социалистическими порядками и при удобном случае перейдет на сторону врага.

Автор монографии доказывает, что террор 30-х гг. грубо противоречил действовавшему уголовному закону. Но проблема не в этом: террор в принципе противозаконен. Хотя и должен быть легализован в законах и иных актах и опубликован в официальных источниках. Напомним, однако, что фактическая легализация террора законами и иными актами продолжалась более 10 лет и выразилась в заметном сокращении, урезании демократических норм уголовного законодательства. Упомянувшийся Н. В. Крыленко, будучи заместителем наркома юстиции и первым правовым идеологом советской России, поставил вопрос о необходимости усиления борьбы не только с классовыми врагами, но и со всеми лицами, кто своими вредоносными действиями мешает строительству социализма. Классового врага нельзя перевоспитать, его следует уничтожать. «Каждый, кого государство сочтет социально опасным элементом, должен быть изъят из общества до совершения опасного деяния». К. Маркс называл это позитивной санкцией беззакония, но именно так большевики воспринимали марксизм с российским лицом [с. 100].

⁹ Степанов М. Г. Указ. соч.

¹⁰ О «Письме к съезду» В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. URL: <https://history.wikireading.ru/257813> (дата обращения: 06.01.2021).

¹¹ «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника / сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский // URL: http://1937.memo.ru/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения: 06.01.2021).

Важно отметить и другое. Делегаты XV съезда в январе 1927 г. поддержали идею Крыленко вернуть упрощенную судебскую деятельность, характерную для периода Гражданской войны [с. 90]. В своей работе «Беседы о праве и государстве» (М., 1924) Н. В. Крыленко отождествлял принуждение, осуществляемое государством, с эксплуатацией и на основании этого делал вывод о том, что советское право, как и буржуазное, является эксплуататорским — отсюда одна из задач социалистического строительства — свертывание правовой формы Советского государства¹².

Новый Уголовный кодекс СССР был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. (формально действовал до 1960 г.). В нем против врагов советской власти был направлен целый ряд статей и в первую очередь печально знаменитая статья 58 с четырнадцатью подпунктами. В феврале 1927 г. вступило в силу общесоюзное положение о государственных преступлениях, куда были включены «контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления»¹³. Например, отказ гражданина вернуться из-за границы домой стал квалифицироваться как измена [с. 168]. Этим ЦИК ввел институт объективного вменения, то есть наказание без вины. Если члены семьи преступников не донесли о готовящемся преступлении, они должны нести уголовную ответственность.

Тот факт, что террор был приведен в действие не законом, а решением Политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств...» уже не имел особого значения. 30 января 1930 г. появился главный документ, ставший основанием для «раскулачивания» и определивший его параметры, — постановление Политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Спустя два дня Совнарком и ЦИК уже на уровне закона запретили в деревне использование наемного труда и аренду земли. Решение партии явилось, таким образом, лишь спусковым крючком для подготовленных юридических инструментов.

Автор юридически квалифицирует раскулачивание как террористический акт государства

против крестьянства [с. 187] и называет мотив раскулачивания — получить свободный доступ к хлебным ресурсам страны. А неправовые секретные постановления Политбюро ЦК партии стали юридической основой раскулачивания [с. 199]. В процессе раскулачивания обнаружилось «скопище» правонарушений. Власти не удосужились сформулировать научного понятия кулака [с. 215]. Никто не поставил задачи выделить признаки, отделяющие середняка от кулака. Примеры подобных юридических несуразностей можно множить. Это позволило автору говорить о головоутияти верхов и недомыслии низов [с. 240]. В отношении второго тезиса автор поясняет, что нормативные правовые акты крестьянам (по большей части неграмотным) были недоступны по причине их секретности, а сами акты страдали пробельностью. В такой ситуации запущенные юридические институты и механизмы, разумеется, не могли соответствовать действительному праву.

Вывод автора к теме раскулачивания озадачивает читателя: «неправовой характер коллективизации, проведенный без учета конкретно-исторических условий посленэповской России, не позволил партии и государству найти оптимальные пути революционно быстрого повышения благосостояния колхозников» [с. 224]. Однако мог ли быть правовым процесс раскулачивания, определяемый желанием государства беспрепятственно и быстро получить доступ к хлебным ресурсам страны?

Не забудем, что террор против крестьянства подготавливался ленинским заявлением 8 ноября 1918 г. на совещании делегатов комитетов бедноты. Там вождь призвал к решительной борьбе по ликвидации кулачества: «...если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист»¹⁴. Сталин фактически воплотил в жизнь ленинский лозунг: через 12 лет, 2 февраля 1930 г. вышел приказ ОГПУ СССР № 44/21 о «немедленной ликвидации контрреволюционного кулацкого актива», а через два дня — секретная инструкция Президиума ЦИК «О выселении и расселении кулацких хозяйств».

Апологеты Сталина, отрицая личную роль Сталина в развязывании террора, объясняют

¹² Шадрин В. М. Формирование и развитие советской юридической науки и правового образования // Проблемы права: журнал. 2012. № 3 (34).

¹³ История государства и права в СССР. М., 1981. Ч. 2. С. 259.

¹⁴ Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М.: Вече, 1999; Ленин В. И. Полн. собр. сочинений. Т. 36. С. 361–363; Т. 37. С. 144.

его в большей мере перегибами на местах. Уверяют, что никакого документа о передаче НКВД особых полномочий принято не было. Налицо лишь постановления Политбюро ЦК партии большевиков. Тот же партийный орган принимал решение о применении физического насилия к обвиняемым.

Однако эти доводы не могут отрицать самого факта репрессий. Политбюро из 5–6 человек возложило на себя функции надзорного судебного органа, одобряя подготовленные ОГПУ документы. В приказе НКВД № 00447 отмечалось, что уже наличие враждебного к советской власти сознания свидетельствовало о социальной опасности лица, способного легко перейти к активным антисоветским действиям [с. 306]. пытки допускались по решению ЦК партии тоже не с самыми благими намерениями, а в силу безысходности; простыми уговорами невозможно заставить обвиняемых взять на себя вину за вымышленные деяния [с. 333].

Раскулачивание явилось, таким образом, прологом к Большому террору, получившему значительное место в юридическом анализе автора. Террор характеризуется как зигзаг субъективного плана, выпадающий из закономерного хода строительства социализма. Авторскую мысль можно представить так, что террор связан Сталиным не умышленно, а по причине неспособности понять объективные закономерности построения социалистического общества [с. 349]. В числе ошибок Сталина профессор выделяет: 1) неглубокое знание Сталиным социологической теории марксизма; 2) неумение творчески применять диалектический метод в познании закономерностей становления социалистического общества; 3) нигилистическое отношение к прогрессивным достижениям теории права; 4) игнорирование Конституции и советских законов [с. 351]. Именно они, а не головотяпство и разгильдяйство местных органов власти (Сталин) стали причинами связанного террора. И никак не деятельность шпионов и врагов социализма, пробравшихся в органы государственной власти [с. 401].

Как известно, запущенная машина репрессий обладала большой инерционной силой, продолжая работать в предвоенное и военное время. Большой террор не завершился в

ноябре 1938 г. Пришедший на смену расстрелянному Ежову Л. Берия не пошел на полный пересмотр прежних неправосудных решений. В рамках Наркомата внутренних дел осталось Особое совещание — лазейка для упрощенного возложения уголовно-правовых санкций на социально опасных элементов при полном отсутствии в их поведении противоправных деяний [с. 406]. Не будучи юристом, Берия к праву относился негативно. Просьба Берии о разрешении пыток в отношении классовых врагов народа была поддержана Сталиным [с. 411]. А прокуратура оказалась фактически отстраненной от контроля над следствием [с. 425]. Давая юридическую оценку репрессий времен бериевщины, профессор Сырых приходит к выводу, что сталинскому террору нельзя было придать правового характера посредством совершенствования отдельных его частей. Правовой путь в такой ситуации — в упразднении самого террора.

Тезис автора монографии о том, что террор в период Великой Отечественной войны не только не был ослаблен, но получил всеобщий характер, находит подтверждение в целом ряде публикаций¹⁵. Он выразился в таких формах, как: 1) криминализация дисциплинарных проступков; 2) расширение подсудности военных трибуналов; 3) использование пытки; 4) расширение сферы упрощенного судопроизводства; 5) депортация народов и др. То есть партия и правительство осуществили новый поворот в политике государственного принуждения: перенесли акцент с социально опасных элементов, против которых боролись 10 лет, на классы, составлявшие основу социалистического общества, — рабочих и крестьян. Второе полугодие 1941 г. можно рассматривать как своеобразное возвращение практик Большого террора, хотя террор 1941 г. был гораздо менее массовым и реализовывался в основном через суды общей юрисдикции. Репрессии имели превентивный характер и затронули всю страну, а не только прифронтовые территории¹⁶.

Террор не закончился даже после окончания войны, в частности в отношении лиц, возможно сотрудничавших с оккупантами [с. 469]. Автор констатирует, что отмирание террора шло эволюционно-секретным путем, незаметно и тихо.

¹⁵ Старков А. Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса // Российская история. 2020. № 3.

¹⁶ Budnitskij O. The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20. No 3. P. 447–480.

Указом Верховного Совета СССР от 26.05.1947 была отменена смертная казнь в условиях мирного времени, что, правда, не помешало в течение 1950 г. расстрелять более 40 генералов, так или иначе провинившихся в годы войны. Это называлось реанимацией террора по просьбе трудящихся. Смерть Сталина привела к ликвидации террора. Но лишь в частичной форме. При нехватке рабочей силы и денежных средств заключенные были нужны для восстановления разрушенного войной хозяйства [с. 486].

Выводы. Задача данного исследовательского проекта (как и любого другого) заключается в том, чтобы внести нечто новое в понимание особенностей политического развития нашей страны в период сталинского правления, что существенно дополняло бы или корректировало имеющееся знание. Насколько это удалось автору монографии?

Рецензируемая монография достаточно противоречива в этом отношении, как противоречива личность Сталина. Сам Сталин однажды высказался таким образом, что любая ошибка имеет свою фамилию, имя и отчество. Эти сталинские слова профессор В. М. Сырых обратил против самого вождя, возложив на него юридическую ответственность в преступных действиях и в подрыве государственного строя. И вместе с тем автор признает огромный личный вклад Сталина в строительство политического строя, сумевшего противостоять гитлеровскому фашизму.

В своей книге ученый разграничивает террор красный (в известной мере правовой), защищавший более прогрессивный социалистический строй, и террор сталинский, являвшийся опорой личной власти Сталина. Это базовый тезис, направленный в адрес тех, кто считает террор непрямым спутником социалистического строя, атрибутивным свойством социализма. Но известно и другое: любое общество, построенное по заранее разработанной схеме, обречено столкнуться с насилием над личностью и ее правами¹⁷. В России как раз тот случай, когда становление и развитие нового российского общества, построенного на началах отсутствия частной собственности, почти 40 лет вынуждено было жить, работать, сражаться под страхом тотального государственного насилия.

Годы террора фактически совпадают с временем сталинского правления, что дает автору повод утверждать исключительную сталинскую ответственность за происходившее в стране. Но тот же исторический факт позволяет оппонентам автора увязывать социализм с всеобщим принуждением.

Нет сомнений в том, что острота политической репрессии определяется личностью и характером вождя (сравните Муссолини и Гитлера), в то время как содержательный аспект репрессий практически не меняет своей сущности. Направляя острие юридической вины против Сталина, автор, разумеется, не оставляет без внимания и роль в репрессиях его политического окружения. Без активного участия сталинского руководства в реализации репрессивной политики правового беспредела могло бы не случиться. Между тем указанный аспект не получил заслуженной критики в сталинской историографии.

Сложный вопрос, который автором не затрагивался вовсе, состоит в следующем: сталинская правящая верхушка сама формулировала принципы репрессивной идеологии или была ее пленником? В последнем случае приходится констатировать, что из проложенной в годы Гражданской войны колеи Сталин и его сподвижники не смогли выпрыгнуть («эффект колеи»). Или не захотели. Кстати, сходные мысли культивировались в это время и в Европе. В 1932 г. немецкий философ, правовед, теолог и социолог Карл Шмитт выступил со статьей «Понятие политического». По его замыслу, сущностным моментом политического является пара «друг — враг». Друзья и враги выявляются не по экономическим, моральным или религиозным признакам, а выбираются в экзистенциональном измерении. Если другое государство является выгодным экономическим партнером, это еще не значит, что оно также будет «другом». Смысл «друг — враг» отображает в них другое бытие. Один перед другим защищает свою бытийственную стихию жизни, на которую покушается враг, иной. Наличие врага необходимо. Только враг позволяет (даже помогает!) определить все контуры своего бытия, увидеть и понять себя¹⁸.

Автор книги, анализируя противоправную деятельность сталинского аппарата, со-

¹⁷ См., например: *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М. : Издательство института Гайдара, 2016.

¹⁸ *Королёв Д.* Актуальность понятия пары «друг — враг» Карла Шмитта // URL: <https://proza.ru/2015/10/06/1655> (дата обращения: 06.01.2021).

поставляет ее с требованиями конституционных норм (этому посвящена заключительная часть монографии) и приходит к неутешительному для конституции выводу. К сожалению, вне зоны внимания профессора остается важная и до сих пор не выясненная причина принятия Конституции за год до начала Большого террора. Конституция — дымовая завеса для грядущих репрессий?

Автору следовало бы поставить и другой вопрос, а именно существовала ли возможность управлять процессом социалистического строительства, сообразуясь с правом, нормами законов и Конституции? Чтобы идти правовым путем, следовало сменить революционную стратегию на эволюционную. Но большевики и Сталин спешили. И как показала война, эта спешка оказалась небезосновательной.

Устойчивый характер общества и государства, как известно, можно обеспечить лишь на путях органического синтеза традиции и творческого новаторства. И Ленин, и Сталин считали, что построение социалистического общества невозможно без усвоения культуры, в том числе технической. А она в головах буржуазных специалистов. В отношении к буржуазным специалистам наиболее ярко проявилась двойственность и противоречивость

большевистской политики. На VIII съезде РКП(б) 18 марта 1919 г. Ленин предупреждал коммунистов о буржуазных специалистах, «...которые насковозь проникнуты буржуазной психологией и которые нас предавали и будут предавать еще годы»¹⁹. Попытки заменить специалистов талантливymi выдвиженцами из рабочей среды значительным успехом не увенчались²⁰. В годы Большого террора многие буржуазные и царские специалисты погибли в тюремных застенках. По этой причине и буржуазные правоведа не смогли оказать положительного влияния на формирование юридической системы новой России. «Творить право» остались крыленки и вышинские.

Возвратимся к поставленному ранее вопросу: что нового, интересного, ценного привнесло в историю вопроса исследование В. М. Сырых? Оно, безусловно, явилось значительным памятником изучения юридической стороны сталинской системы правления. Показало, во что может превратиться общество и государство, игнорирующее право.

Но почему так получилось? Полного ответа на это монография В. М. Сырых не дает. Автор вскрыл злокачественную юридическую опухоль на теле социалистического государства, но не стал объяснять ее происхождение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. — М.: Вече, 1999.
2. Баев В. Г., Крамской В. В. Кому не известен Ленин? (Рецензия на монографию «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подбострастия)» В. М. Сырых. М., 2017) // Журнал российского права. — 2018. — № 12.
3. Баев В. Г., Марченко А. Н. Рецензия на книгу: Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М.: Юрлитинформ, 2018 // Вопросы истории. — 2018. — № 11.
4. Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. — М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
5. История государства и права в СССР. — М., 1981. — Ч. 2.
6. Королев Д. Актуальность понятия пары «друг — враг» Карла Шмитта // URL: <https://proza.ru/2015/10/06/1655>.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений.
8. Старков А. Советская юстиция в период Великой Отечественной войны: историография вопроса // Российская история. — 2020. — № 3.
9. Степанов М. Г. Сталинская репрессивная политика в СССР (1928–1953 гг.): взгляд советской историографии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stalinskaya-repressivnaya-politika-v-sssr-1928-1953-gg-vzglyad-sovetskoj-istoriografii/viewer>.

¹⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений Т. 38. VIII съезд РКП(б) // URL: <https://leninism.su/works/77-tom-38/1305-viii-sezd-rkpb.html> (дата обращения: 06.01.2021).

²⁰ Фельдман М. А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социс. 2020. № 6. С. 93–102.

10. Сырых В. М. Материалистическая теория права : избранное. — М. : Российская акад. правосудия, 2014. — Т. 4 : Действительность индивидуального права.
11. Сырых В. М. Материалистическая философия публичного права : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 574 с.
12. Фельдман М. А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социс. — 2020. — № 6. — С. 93–102.
13. Шадрин В. М. Формирование и развитие советской юридической науки и правового образования // Проблемы права. — 2012. — № 3 (34).
14. Budnitskij O. The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2019. — Vol. 20. — No 3. — P. 447–480.

Материал поступил в редакцию 6 января 2021 г.

REFERENCES

1. Arutyunov A. Dose Lenina bez retushi. Dokumenty. Fakty. Svidetelstva [Lenin's dossier without retouching. Documents. Facts. Testimony]. Moscow: Veche Publ.; 1999 (In Russ.).
2. Baev VG, Kramskoy VV. Komu ne izvesten Lenin? (retsenziya na monografiyu «Neizvestnyy Lenin: teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostrastiya)» V. M. Syrykh. [Who does not know Lenin? (Review of the monograph by V. M. Syrykh "Unknown Lenin: The Theory of the Socialist State (Without Addiction and Sub-Theory)"]]. *Journal of Russian Law*. 2018;12 (In Russ.).
3. Baev V. G., Marchenko A. N. Retseziya na knigu: Syrykh V. M. «Krasnyy terror: kanony bibleyskie, da ispolnenie plebeyskoe» [Book Review: Syrykh V. M. "Red Terror: Biblical Canons, Plebeian Execution" Moscow: Yurlitinform; 2018]. *Voprosy istorii*. 2018;11 (In Russ.).
4. Isterly W. Tiraniya ekspertov. Ekonomisty, diktatory i zabytye prava bednykh [Tyranny of experts. Economists, dictators and forgotten rights of the poor]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2016 (In Russ.).
5. Istoriya gosudarstva i prava v SSSR [History of the State and Law in the USSR]. Part 2. Moscow; 1981 (In Russ.).
6. Korolev D. Aktualnost ponyatiya pary «drug — vrag» Karla Shmitta [The relevance of Karl Schmitt's "friend — enemy" concept]. URL: <https://proza.ru/2015/10/06/1655> (In Russ.).
7. Lenin VI. Polnoe sobranie sochineniy [Full collection of works]. Direktmedia Publ.; 2013 (In Russ.).
8. Starkov A. Sovetskaya yustitsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriografiya voprosa [Soviet justice in the period of the Great Patriotic War: historiography of the issue]. *Rossiyskaya Istoriya*. 2020;3.
9. Stepanov MG. Stalinskaya repressivnaya politika v sssr (1928–1953 gg.): vzglyad sovetskoy istoriografii [Stalin's repressive policy in the USSR (1928–1953): a view of Soviet historiography]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stalinskaya-repressivnaya-politika-v-sssr-1928-1953-gg-vzglyad-sovetskoy-istoriografii/viewer> (In Russ.).
10. Syrykh VM. Materialisticheskaya teoriya prava : izbrannoe [Materialist theory of law: selected works]. Vol. 4: The validity of individual law. Moscow: Russian Acad. of Justice; 2014 (In Russ.).
11. Syrykh VM. Materialisticheskaya filosofiya publichnogo prava : monografiya. [Materialist philosophy of public law: Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016 (In Russ.).
12. Feldman MA. Vydvizhentsy 1917–1941 gg.: problematichnost voskhodyashchey mobilnosti [Cadres promotions in 1917–1941: ambivalence of upward mobility]. *Sociological Studies*. 2020;6:93-102 (In Russ.).
13. Shadrin VM. Formirovanie i razvitie sovetskoy yuridicheskoy nauki i pravovogo obrazovaniya [Formation and development of Soviet legal science and legal education]. *Issues of Law*. 2012;3(34) (In Russ.).
14. Budnitskij O. The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019;20;3:447-480.